

ного дерева свое и ее имя, соединенные гирляндой, с подписью: „Симпатией и Небом!“ „Это ее рука вырезала! — закричал он в совершенном иступлении.— Здесь, подле этого дерева должно умереть мне!“ — повторил он несколько раз — и упал в сильном обмороке на землю». ⁵³

Несколько изменив свой характер, надпись на дереве в «чувствительной повести» все же сохранила свою связь с идиллией. Не вполне уместная — хотя бы по трудности своего исполнения — переписка на коре дерева в дальнейшем перешла в более убедительно мотивированный сюжетом обмен письмами, оставляемыми в роще в дупле дерева, — именно так обмениваются посланиями влюбленные в «Барышне-крестьянке» и «Дубровском» А. С. Пушкина.

В первой трети XIX века история имени на дереве в русской поэзии завершается вместе с постепенным изменением статуса пастушеской поэзии, которой в новой иерархии жанров было отведено периферийное место. Между тем именно у надписи на дереве — далеко не основного и даже побочного мотива буколической поэзии — есть своя внелитературная история, причем эта вторая жизнь имени на дереве непосредственно связана с литературной традицией, в русских условиях — с традицией, идущей от эпохи сентиментализма. Следует оговорить то обстоятельство, что надписи на дереве, рассматриваемой в ряду разнообразных других надписей (на камне, металле и т. д.), явно не повезло в истории эпиграфики, поскольку по понятным причинам ее можно изучать только по литературным источникам, ⁵⁴ — по мемуарной и художественной прозе. Необходимо подчеркнуть, что для народной культуры надписи на деревьях не характерны. Не было на Руси и самостоятельного культа поклонения деревьям, ⁵⁵ хотя известны и «заповедные рощи», ⁵⁶ и посвящение дерева члену семьи («загадывание дерева»). Примечательно, что этот обычай отмечен как в императорской семье, ⁵⁷ так и в северной русской деревне. ⁵⁸

⁵³ Там же С 97

⁵⁴ Так, например, рассматриваемая надпись на дереве (имя) не упоминается в обстоятельном исследовании *Sparrow J Visible Words A Study of Inscriptions in and as Books and Works of Art* Cambridge, 1969. Мне известны только две небольшие статьи, непосредственно посвященные этому предмету *Bystron J S Napisy na drzewach* // *Bystron J S Łancuch szczęścia i inne ciekawostki* Warszawa, 1938 S 129–132, *Mikulski T Napisy na drzewach (Z motywow pasterskiej sielanki)* // *Mikulski T Rzeczy staropolskie* Wrocław, 1964 S 324–327. В этих работах, впервые опубликованных в 1927 и 1928 гг., приведен ряд примеров имени на дереве из польской поэзии XVI–XIX вв.

⁵⁵ См. *Агапкина Т А Топорков А Л* Материалы по славянскому язычеству (Древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // *Литература Древней Руси* Источниковедение Л, 1988 С 234

⁵⁶ См. *Невский А А* Заповедные рощи Вологодского края // *Сообщения Государственной академии истории материальной культуры* 1931 № 11–12 С 61–62, *Зеленин Д К* Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // *Изв. АН*, 7-я сер. Отд. наук 1933 № 8 С 591–629

⁵⁷ В Павловском парке, например, была посажена «семейная роща, состоящая из молодых берез. К каждому дереву привязана жестяная дощечка с именем одного из членов императорского дома и с означением года рождения, а на некоторых и года бракосочетания» (Путеводитель по саду и городу Павловску, составленный П. Шторхом, с двенадцатью видами, рисованными с натуры В. А. Жуковским, и планом СПб, 1843 С 45)

⁵⁸ См. *Логинов К К* Семейные обряды и верования русских Заонежья Петрозаводск, 1993 С 113